

Глава 42. Ночная охота в старшей школе

Эфирное масло тягучей каплей растеклось по белоснежной коже.

По комнате поплыл едва уловимый, прохладный аромат. На кровати было расстелено темно-серое банное полотенце; капли пота и излишки масла оставляли на ворсистой ткани россыпь влажных пятен. Нин Чжунь, не в силах сдержаться, поджал пальцы ног и невольно потерялся ими о край полотенца, но его ступню тут же перехватила сильная, пахнущая маслом ладонь, методично разминая её от кончиков пальцев до самого свода.

— Мне... немного больно.

Нин Чжунь приподнял голову над подушкой. Лежа на животе, он болезненно и в то же время с явным облегчением нахмурился; его взгляд, затуманенный и дрожащий, скользнул назад, к Ли Цзяньчуаню. Знакомые ладони уверенно двигались от лопаток к пояснице, после чего с силой принялись растирать икры. Когда мышцы, скованные усталостью, наконец начали расслабляться, сквозь тягучую боль проступило долгожданное чувство легкости.

Ли Цзяньчуань внимательно следил за каждой эмоцией, за каждой мимолетной реакцией своего спутника. Сидя позади того, он с мастерством опытного костоправа разминал его лодыжки, и стоило ему с силой надавить костяшками на чувствительный центр стопы, как все тело доктора непроизвольно содрогалось. Его стройные ноги инстинктивно дергались, и в свете ламп их влажная кожа поблескивала, приковывая к себе взгляд.

Несмотря на вполне взрослое и развитое телосложение, в фигуре доктора всё еще оставалась некая юношеская изящность, которая в сочетании с его зрелой, пугающей харизмой создавала гремучую смесь.

— Потерпи еще немного, — Ли Цзяньчуань едва не раздавил зубами жвачку. — Мышцы забиты намертво. Сейчас разобьем узлы, и станет легче.

Сам «массажист» от такого напряжения тоже порядком взмок. Он несколько раз менял позу, хмурясь всё сильнее; эта процедура заставляла его кровь бурлить, а в горле становилось подозрительно сухо. Это был, пожалуй, первый раз, когда Ли по-настоящему взялся за тело Нин Чжуна, не считая тех мимолетных касаний раньше. И теперь стало ясно: серьезный массаж и простая дружеская помощь — вещи совершенно разного порядка.

— С завтрашнего дня я за тебя возьмусь. Физические упражнения помогут лучше любых эликсиров.

Закончив с последним участком, Ли Цзяньчуань поспешно схватил бумажное полотенце, небрежно вытер руки и, бросив короткую фразу, спрыгнул с кровати и пулей вылетел из комнаты. Две секунды — и он уже был в ванной, подставив голову под ледяные струи душа.

«Сам же ищущий на свою голову проблем», — мрачно подумал он.

Ли Цзяньчуань стоял под холодным потоком, зажмурившись и пытаясь унять внутренний жар, как вдруг дверь ванной открылась. Нин Чжунь вошел, невозмутимо наполнил ванну и погрузился в теплую воду, блаженно вытягиваясь. Опершись локтем о бортик, он приподнял веки и сквозь пелену пара уставился на мужчину под душем, причем его взгляд надолго задержался на вполне определенных частях его тела.

Ли Цзяньчуань весь напрягся, чувствуя себя крайне неуютно под этим темным, полным двусмысленности взглядом. Собеседник даже не пытался скрывать своего восхищения атлетической, но не перекачанной фигурой. Смыв остатки масла, доктор сменил воду, и его рука скрылась под поверхностью, пока сам он слегка запрокинул голову.

Осознав, чем именно занят Нин Чжунь, Ли Цзяньчуань замер, чувствуя, как мозг буквально закипает. Он резко перекрыл воду и, подобно разъяренному льву, вылетел из ванной, едва не выломав дверь.

Он был готов признать, что решение привести Нин Чжуня к себе домой было самой большой ошибкой за последние двадцать лет. Быть нормальным, полным сил мужчиной и знать, что любимый человек в ванной обходится «своими силами», бросая на тебя призывные взгляды — это испытание не для слабоверных.

Он несколько раз прошелся по спальне, точно зверь в клетке, а затем рухнул на диван в гостиной, нашел в сети какой-то патриотический образовательный фильм и вывел его на большой экран. Громкий звук, стрельба и восторженные крики «За победу!» заполнили всё пространство квартиры. Ли Цзяньчуань смотрел в экран отсутствующим взглядом, но терапия сработала — он начал остывать. В конце концов, человек отличается от животного способностью контролировать свои желания.

Спустя некоторое время из ванной вышел Нин Чжунь, набросивший лишь верх от пижамы. Под аккомпанемент громовых лозунгов, гремящих на всю квартиру, он бесцеремонно поставил ногу на бедро Ли Цзяньчуаня. В его обычно холодном или соблазнительном голосе на этот раз прозвучало неприкрытое, яростное обвинение:

— У меня... ничего не вышло!

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Ли Цзяньчуань схватил того за ногу, затаскивая на диван, и зашелся в хохоте, содрогаясь всем телом. Нин Чжунь в отместку зажал ему рот ладонью и властно поцеловал. Ли охотно ответил на этот вызов.

Язык доктора превратился в самое нежное и в то же время острое оружие, жадно вытягивая тепло из Ли Цзяньчуаня. Оставив прежнюю пассивность, тот проявил паразитическую

агрессию, словно желая поглотить Ли целиком. Его поцелуй был пылким и прямолинейным. Но если на губах бушевало пламя, то тело быстро сдалось — стоило Ли пару раз крепко сжать его, как Нин Чжунь обмяк, буквально вжимаясь в подушки дивана.

В разгаре борьбы Ли прижал его к сиденью, коснулся губами затылка и, перехватив его дрожащие икры, проложил дорожку поцелуев от лопаток до самой ямки на пояснице. Нин Чжунь не выдержал, запрокидывая голову, его спина выгнулась, словно натянутый лук.

Ли Цзяньчуань напоследок прижался губами к изящной ложбинке на его пояснице, но, подавляя в себе желание, остановился. Он полежал на нем некоторое время, приходя в себя, после чего усадил доктора к себе на колени и аккуратно застегнул на нем пижаму. Тот, тяжело дыша, всем весом навалился на его плечо. К счастью, физическая подготовка Ли позволяла выдержать такую нагрузку, иначе эта ноша могла бы просто лишить его дыхания.

— Всё, хватит хулиганить. Давай кино досмотрим.

Они сидели, прижавшись друг к другу; их горячее дыхание переплеталось, постепенно становясь ровным. Жар в теле Нин Чжуна понемногу утихал. Он приподнял взгляд, рассматривая профиль Ли Цзяньчуаня, по которому всё еще скатывались бисеринки пота. В этом лице было нечто бесконечно притягательное — зрелая сексуальность взрослого мужчины.

На самом деле, тем вечером в книге желаний в ресторане хого Нин Чжунь тоже оставил запись.

«You taught me»

«Ты научил меня страсти, но ты же научил меня и сдержанности».

Ли Цзяньчуань пробудил в нем человеческие желания, но он же стал для него ориентиром в самоконтроле. И неважно, помнит об этом нынешний Ли или нет — в сердце доктора тот навсегда останется Учителем, Королем. Во всех смыслах этого слова.

— Спать хочешь? — заметив, что дыхание спутника стало совсем безмятежным, негромко спросил Ли.

Нин Чжунь покачал головой.

Под шум кинодиалогов Ли Цзяньчуань достал смартфон и забронировал два билета до Египта на рейс через три дня. Затем он поставил на подставку новый планшет и принялся быстро набирать текст на виртуальной клавиатуре. Одной рукой он обнимал Нин Чжуна, а другой быстро печатал. Обсуждать детали Игры «Пандора» вслух было опасно — даже в реальности за лишние слова могла последовать расплата. Ключ был пропуском в игру, но он же был и Дамокловым мечом, заставляющим хранить молчание.

Нин Чжунь молча наблюдал за его работой, а когда Ли закончил, протянул руку:

— Дай я помогу.

Он пробежал глазами по строчкам и кое-где внес дополнения и уточнения. Закончили они только к трем часам ночи.

Ли Цзяньчуань буквально силой загнал Нин Чжуна в постель. Уткнувшись друг в друга лбами, они вели тихий, сонный разговор:

— Ты действительно веришь, что это связано с древними памятниками?

— Так говорят разведанные, — беспристрастно отозвался Ли Цзяньчуань. — Но как бы там ни было, моя задача остается прежней.

Он прикрыл глаза, ласково поглаживая Нин Чжуна по пояснице.

— Завтра отдыхаем. Послезавтра свожу тебя куда-нибудь... Хочешь в парк аттракционов?

— С чего вдруг? — Тот потерся щекой о его плечо.

— Ну, в кино так всегда показывают: свидание — значит карусели, колесо обозрения... Или хочешь в кино? Мне всё равно. Можем в зоопарк сходить, или на гору залезть, рассвет встретить.

«Свидание».

Нин Чжунь от этих слов даже немного приободрился. Он попытался скрыть улыбку, а затем ощутимо пихнул Ли ногой и шутливо прикусил его за плечо:

— Пощади меня. Я хочу просто спать... и чтобы ты приготовил мне ужин.

Ли Цзяньчуань просто накрыл его лицо ладонью и, не вступая в спор, мгновенно уснул.

Впрочем, следующие два дня Ли действительно провел у плиты, отложив оружие ради кухонной утвари. До этого он привык питаться в столовых или перехватывать что-то на ходу, так что кулинарных талантов за ним не водилось. Но его способность к обучению была поразительной: пары взглядов в рецепт хватало, чтобы воссоздать блюдо почти идеально. Пусть не уровень шеф-повара, но вкус был отменным.

Нин Чжунь же обустроил себе место в шезлонге у окна и целыми днями лениво листал книги в

оригинале, наслаждаясь тишиной. Ли Цзяньчуань лишь изредка он заглядывал на кухню, чтобы немного подонимать своего «агента».

Один день из этих трех они всё же провели в городе. Ли Цзяньчуань показал ему Город Четырёх Девяток: они мельком осмотрели Запретный город и поднялись на Великую стену. Вечером начался сильный снегопад, и они укрылись в углу бара «Хоухай». Под шум толпы и негромкие переливы народных песен они целовались, и их сердца бились в унисон — быстро и в то же время спокойно.

Ли Цзяньчуань понимал: не будь всей этой чертовщины с «Пандорой», они могли бы вот так идти сквозь снег, делить бытовые заботы и возвращаться в теплый дом — и это была бы идеальная жизнь. Но сослагательного наклонения не существовало.

Спустя три дня Ли Цзяньчуань и Нин Чжунь под новыми именами поднялись на борт самолета, летящего в Египет. Ли хотел было зайти в игру в одиночку, но Нин Чжунь остановил его. Протянув кольцо с пурпурным терновым цветком, он негромко произнес:

— У тебя за плечами всего два мира. В первом ты только освоился, во втором сложность была запредельной. Тебе лучше пройти еще один раунд со мной, прежде чем соваться самому.

— Прямо сейчас? — Ли Цзяньчуань надел кольцо и вопросительно приподнял бровь.

Полет предстоял долгий — времени на игру было предостаточно. К тому же, их места в первом классе позволяли уединиться. Ли беспокоился лишь о самочувствии Нин Чжуна.

— Да, — тот плотнее закутался в плед и прикрыл глаза. — Последнее сообщение от «Пандоры» заставляет понервничать. Первый этап завершен, но что такое второй — никто не знает. Нам нужно больше магических ящиков, чтобы было чем торговаться. — Он загадочно улыбнулся. — У тебя ведь есть я. Пойдем.

Под эти слова Ли Цзяньчуань закрыл глаза. Знакомое чувство чудовищного всасывания накрыло его, вырывая сознание из реальности и унося в мир, неподвластный человеческой логике.

Вспышка света.

Головокружение отступило, и ноги коснулись твердой поверхности.

Щелк.

[Магический ящик закрыт. Игра началась]

[Добро пожаловать, игроки!]

...

Перед Ли Цзяньчуанем стоял самый обычный деревянный стол. Такие часто можно увидеть в школьных столовых: две столешницы, сдвинутые вместе. На углу стояла подставка с палочками, а на восьми подносах лежали порции: два мясных блюда, одно овощное, рис и суп с морской капустой.

Напротив каждого подноса на стульях сидели фигуры в плащах, сотканных из черного тумана. Ли осторожно огляделся. В воздухе витал характерный для столовых запах смешанной еды. Прямо над ними тускло светила люминесцентная лампа, заливая всё мертво-белым светом.

Игрок под номером восемь, сидевшая прямо под лампой, выглядела крайне напуганной — типичный новичок. Впрочем, Ли знал, что опытные игроки часто прикидываются жертвами, чтобы выманить противника.

— Где... где мы? — дрожащим голосом спросила Восьмая.

Ему никто не ответил.

Спустя несколько секунд из темноты вышел мужчина в клетчатой рубашке и очках — по виду типичный школьный учитель. Он сел с краю и окинул присутствующих взглядом, в котором читалось неприкрытое веселье.

— Ну вот, промежуточные экзамены позади, можно и расслабиться, — произнес он мягким, вкрадчивым голосом. — Впереди пять дней каникул, так что отдыхайте, участвуйте в общих мероприятиях... Давайте, присаживайтесь. Сначала поедем.

Он ободряюще улыбнулся вскочившей было Восьмой. От этого учителя исходила странная, почти гипнотическая аура дружелюбия. Номер Восемь, словно поддавшись ей, медленно опустилась на стул.

Учитель удовлетворенно кивнул и продолжил:

— Мероприятия будут проводиться каждый день. Записаться можно накануне вечером. На завтрашнее я вас уже зарегистрировал, так что не беспокойтесь. Только помните: на время каникул территорию школы покидать запрещено. Нарушение школьных правил — это не шутки.

Он говорил неспешно, с легкой полуулыбкой. Игрок под номером три, сидевший рядом с Ли Цзяньчуанем, внезапно подал голос:

— Можно узнать, что это за мероприятия? И... вернемся ли мы к обычной жизни, когда эти пять дней закончатся?

Вопрос был задан слишком хладнокровно для новичка, но и на ветерана Третий не тянул. Ли Цзяньчуань внимательно следил за реакцией остальных.

— Программу узнаете в день проведения, — учитель проигнорировал вторую часть вопроса, словно и вовсе её не слышал. — Ладно, что вы застыли? Ешьте, а потом ложитесь спать. Только не спите слишком крепко, а то...

— Иначе вы действительно умрете.

Он произнес это с неизменной улыбкой.

В тот же миг за столом повеяло могильным холодом. Номер Три ощутимо вздрогнул и низко опустил голову.

<http://bllate.org/book/15871/1500201>